

03.02.05.

Дмитрий Иван

АЛЕКСАНДРА Дэльвин до сих пор регулярно выходит на сцену Театра им. В. Ф. Комиссаржевской, где она служит с 1948 года. А до этого были ТЮЗ и Театр Краснознаменного Балтийского флота. В театре КБФ Александра Владимировна и познакомилась, а за год до начала Великой Отечественной войны вышла замуж за артиста Ивана Дмитриева, всенародную славу которому потом принесут роли в фильмах «За витриной универмага», «Тихая Одесса» и, наконец, роль помощника капитана в одной из лучших советских кинокомедий - «Полосатый рейс». На 11 лет их совместной жизни пришлось две войны, блокада, рождение и смерть одной дочери, рождение второй, усыновление мальчика-сироты... Будучи в разводе, Дэльвин и Дмитриев долгие годы будут служить в одном театре и до недавней кончины Ивана Петровича поддерживать добрые отношения.

Из-за любимой Алечки Иван Дмитриев дрался с писателем Всеволодом Вишневским

«Ваня был отчаянный парень!»

- Театр КБФ базировался в Кронштадте, - вспоминает Александра Владимировна. - Мы жили интереснейшей жизнью. Кто только не приходил к нам в гости! Василий Лебедев-Кумач, Всеволод Вишневский, Александр Крон! Однажды Ваня из-за меня даже подрался с Вишневским! Мы еще не были женаты, он только ухаживал, и Всеволод Витальевич решил приударить за мной.

Ваня вообще был отчаянный парень! Хулиган! Но не злостный. На гауптвахте не раз сидел. С его обаянием он и там неплохо устроился! Летом 40-го мы поехали на море. Он пришел ко мне в мужья - стыдно сказать - с тельняшкой, трусами и еще с гюйсом (что за моряк без тельняшки и гюйса!). Иного имущества у него не было. А на следующий день театр на линкоре «Октябрьская революция» отправился в Таллин «протягивать руку дружбы» только что вошедшей в состав Советского Союза Эстонии. После войны долго у Нахимовского училища, напротив «Авроры», стояли две пушки с этого линкора. Будто бы в память о нашем, таком необычном, свадебном путешествии.

«Моряки, погибая, пели»

- Начало Великой Отечественной войны нас тоже застало в Таллине. Я уже месяца три была в положении, и мне предоставили комнату. А Ваня, человек военный, должен был жить в команде. Ночью 22 июня он прибежал ко мне: «Аля, война!» Моментально были сформированы концертные бригады. Мы выехали к морю на острова - на Эйзель, Нарген, Даго. Враг приближался, и мы с Ваней решили, что я должна уехать в Ленинград, а оттуда к его родным в Вышний Волочек. Както удалось договориться о том, чтобы пристроить меня на «Сибирь». Думали, так будет безопаснее. Теплоход-госпиталь, какникак, с красным крестом на бортах и палубе. «Сибирь» отправлялась 19 августа. А 13 августа Ваня с концертной бригадой убыл на полуостров Ханко.

Но я решила никуда не уезжать! Потому что понимала: Ваня обязательно вернется туда, где театр. Я осталась в Таллине, а «Сибирь» погибла! И, как потом выяснилось, до Вани дошла эта трагическая информация. Можно себе представить, что он пережил!

В Питер я отправилась позже, на «Суртыле». Мы долго, под обстрелами, стояли на рейде. Ждали, пока подтянутся все корабли. Формировалась эскадра.

«ДАВАЙ ЗАПОМНИМ ЭТО СОСТОЯНИЕ!..»

Старпом из «Полосатого рейса» сказал эти слова жене в блокадном Ленинграде, узнав о смерти дочки

Так я оказалась участницей печально знаменитого Таллинского перехода. Это был настоящий ад! Я помню тонущие корабли, плавающих в море людей и мины - «рогатую смерть». Наше театральное имущество перевозили на другом корабле, он погиб, и потом в чьих-то воспоминаниях я читала, что человек видел в море большие ящики с надписью: «Театр КБФ».

Непосредственный начальник нашего театра Бусыгин шел на «Веронию». Он вспоминал: «Когда «Верония» шла на дно, команда выстроилась и запела «Интернационал».

На моих глазах погиб «Яков Свердлов». Меня всячески оберегали, не выпускали на палубу. В трюме, в каюте было не продохнуть, мне не хватало свежего воздуха, и я, воспользовавшись суматохой, вышла. Я видела, как шла торпеда, как «Яков Свердлов» прикрыл собой крейсер «Киров» и принял удар на себя. Боже мой! Мы совсем недавно были на «Свердлов» с концертом, как нас принимали! И вот, разломившись надвое, он идет ко дну.

На «Суртыле» из военных были только режиссер Пергамент да некоторые актеры-мужчины. Вести прицельную стрельбу из зениток они не умели, но стреляли! Отпугивали атакующие нас

самолеты.

А вот Ване на Ханко пришлось повоювать по-настоящему! В составе «летучего отряда» Героя Советского Союза капитана Гранина, который называли «грозою фрицев». За что Ивана наградили боевым орденом - Красной Звезды.

Из всей таллинской эскадры в Кронштадт пришли только «Суртыль» и крейсер «Киров».

Из Кронштадта, а потом из Ленинграда я продолжала писать Ване письма, и они каким-то чудесным образом доходили до него. Мне потом рассказывали, как он размахивал письмом и, счастливый, кричал: «Анализ мочи хороший!»

«Дочку уберечь не удалось...»

- В Ленинграде нас поселили вначале в школе на Большом проспекте Петроградской стороны, потом в Доме культуры промкооперации, а потом в Матросском клубе на площади Труда. 4 ноября к нам в комнату влетел Пергамент: «Алечка! Ты только не волнуйся! Наши оставляют Ханко. Но есть сведения, что с Ивановым все в порядке». Пергамент говорит, а я слышу быстрые-быстрые, громкие-громкие шаги. И появляется Иван! В беско-

зырке. С усами. Таким я его еще не видела. Глянул на меня - и первое, что сказал: «Ой, какое пузо!» А буквально через несколько дней он опять уехал в составе фронтовой бригады.

В ночь на 17 декабря я пошла в больницу Эрисмана - рожать. В руках - бутылка керосина. Электричества в городе не было, и меня предупредили, что нужно с собой принести керосин. В нашей палате было 8 новорожденных, а из больницы с живым ребенком вышла я одна! Голод, холод, простуды...

После родов я выглядела на удивление хорошо. Но Наташу кормить мне, конечно, было нечем. Иван совершал героические поступки. Команду покидать было запрещено, но он сбежал, где-то доставал манную крупу. Однажды притащил баночку сгущенного молока! Обеспечивал нас дровами. Мы с ним ходили за водой. Наташа умерла 4-месячной. В марте 42-го. Сгорела в один день! Она отравилась соевым молоком, полученным в молочной кухне. Я до сих пор помню запах этого молока! В тот день, я знала, Иван работал на разборке на дрова дома на улице Подковырова. Недалеко. Прошу соседку сходить туда, сказать Ивану, что Наташа умерла. Соседка и сама-то еле-еле ходила, но пошла. Я вышла на улицу,

стою у ворот, жду Ивана. Идет. Мы взялись за руки так крепко-крепко! И вот актерская природа! Он говорит: «Надо запомнить это наше состояние!»

После смерти Наташи меня спасло то, что такая страшная трагедия была не у меня одной. Кругом трупы, трупы. В нашем доме целая прачечная была забита трупами! И еще то, что я вернулась в театр, включилась в работу.

«Ты родила Ксюшку, а я родил Кольку»

- А в мае Иван подобрал мальчика. На углу Мучного переулочка сидел и ревел четырехлетний мальчонка. Весь в цинготных пупырышках, со вздутым от дистрофии животом. «Ты чего это?» - спросил Ваня. «Я хочу есть!»

Потом мы выяснили: Коля (так звали мальчика) был поздним ребенком. Старшие братья на фронте, сестра неизвестно где. Родители умерли. Их трупы все еще лежали во дворе. Коля сидел на улице и выпрашивал хлеб. Когда, сжалившись, люди давали ему немножко хлебушка, он нес его уршиком родителям. Прикладывал кусочки к их губам...

Мы вывели Колю. Усыновление оформили документально: был Коля Мареев, а стал Николай Иванович Дмитриев. Нас он называл мамой и папой. А в 45-м родилась Ксюша. И вдруг в 47-м году, когда Коле было уже 8 лет, объявляется муж его сестры и заявляет: «Мы забираем Колю к себе в Ташкент». Ах как Ваня переживал! Кричал: «Не отдам!» Я успокаивала: «Вань, мы не можем не отдать». - «Ага! Ты родила Ксюшку, а я родил Кольку!» Я, провозжая Колю на вокзал, шепнула: «Если тебе будет плохо, сразу сообщи нам. Вот тебе телефон тети Жени».

Ни звука! Даже когда после «Полосатого рейса» Ивана Дмитриева знала вся страна, Коля не дал о себе никакой весточки.

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото из семейного архива

На съемках «Полосатого рейса» Иван Петрович подружился с шимпанзе Пиратом